

ИВАН ЕВСЕЕНКО

НЕТЛЕННЫЙ СОЛДАТ

РАССКАЗ

Ранней осенью сорок третьего года в этих местах шли тяжёлые, не смолкающие ни днём, ни ночью бои. Наши войска хотели во что бы то ни стало до наступления зимних холодов переправиться на правый берег реки Десны и захватить там хотя бы небольшой плацдарм. А немцы всеми силами старались удержаться за рекой, где у них были хорошо оборудованные и укреплённые позиции.

В кровопролитных тех боях солдат и с немецкой, и с нашей стороны погибло несметное число. Хоронить их было некому. Наши войска, в конце концов, противника одолели и погнали его всё дальше и дальше на запад. Погибших красноармейцев предавали земле похоронные команды и уцелевшие местные жители, прятавшиеся во время боёв в окрестных лесах. Немцам же тем более было не до похорон. Под напором Красной Армии они бежали без оглядки несколько суток, пока опять не зацепились и не построили новую оборону на правом берегу реки Ипути, уже почти на самой границе с Белоруссией. Хоронить погибших, брошенных в спешке на месте гибели немецких солдат и офицеров тоже пришлось нашим похоронным командам да старикам, женщинам и детям-подросткам. Сколько-нибудь приметной разницы в захоронениях бывших врагов-противников не было. На конных, а то и на ручных волокушах, запрягаясь в них по три-четыре человека, убитых свозили в траншеи, блиндажи и окопы и засыпали землёй. Различие,

---

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг", им. В. М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

пожалуй, было лишь в том, что над могилами наших солдат деревенские жители и бойцы похоронных команд ставили кресты или четырёхугольные, вошедшие в воинский обычай пирамидки с жестяными звёздочками наверху, а немецкие оставляли без всякого обозначения, сравнивая с землёй, жестоко и справедливо по их преступлениям и злодеяниям поминая фашистских захватчиков-оккупантов недобрым словом: вы хотели нашей земли, так вот вам она, сырая и холодная, на веки вечные...

Почти семьдесят лет пролежали погибшие солдаты обеих армий в бывших траншеях, блиндажах и окопах. Одни в непреходящей скорби и памяти, оплакиваемые матерями, жёнами и детьми-сиротами, а другие — в полном, заслуженном ими забвении.

Но вот то ли по велению какого-то высокого, верховного начальства, то ли по собственной воле, никем не понуждаемые, объявились и на левом, и на правом берегу реки небольшие поисковые отряды, которые разрывали густо заросшие теперь лесами, кустарниками и травой бывшие траншеи и окопы, чтоб отыскать там хотя бы кости погибших советских солдат (а если повезёт, так и узнать их имена) и захоронить уже по-человечески, с отданием всех необходимых воинских почестей. Останки же гитлеровских солдат передавали теперь германской стороне, и их хоронили отдельно, на возникающих по обоюдной договоренности России и Германии то там, то здесь немецких кладбищах, несмотря на глухое молчание жителей близлежащих деревень.

Объявился такой отряд и в правобережном селе Березанке, в окрестностях которого когда-то был захвачен нашими войсками крохотный плацдармик, откуда началось победное наступление всех сосредоточившихся и подтянувшихся к Десне армий.

Руководил отрядом мужчина лет пятидесяти, Николай Петрович, говорят, участник афганской и чеченской войн, недавно только вышедший в отставку в звании подполковника. Ему помогали три крепких молодых парня, Алёша, Витя и Славик, тоже, по слухам, недавние, правда, уже мирного времени солдаты. По всем армейским пехотным правилам они разбили в тени, под защитой речной урёмы палаточный лагерь и принялись за дело.

Березанцы нет-нет да и заглядывали на эти раскопки, интересовались, что удалось бойцам добровольного отряда отыскать на месте давних боев. Чаще других повадился ходить к поисковикам, прикипел, считай, к ним всей душой непоседливый, разговорчивый старичок, по деревенскому прозвищу Прошка. Звали его на самом деле не Прохором и не Прокофием, как поначалу думали поисковики, а Егором Дмитриевичем. Но об этом мало уже кто в Березанке помнил. Весь деревенский род его прозывался Прошками, должно быть, в память какого-нибудь древнего зачинателя этого рода, действительно Прохора или Прокофия. Прошка на прозвище своё не сетовал, охотно откликался на него, похоже, и сам позабыл полученное при крещении имя. Необидное ласковое прозвище даже больше подходило Прошке, чем строгое крестильное имя Егор, Георгий. Росточка он был невысокого, щупленький, худенький, но жилистый и не в меру говорливый, хотя, казалось бы, при его ремесле столяра и плотника, которыми Прошка владел с великим умением, ему полагалось бы быть молчаливым и задумчивым.

Но Прошка был иным. По возрасту своему (ему шёл уже семьдесят шестой год) он был своими домочадцами — женой, которая была гораздо моложе него годами, сыном, невесткой и двумя взрослыми внуками — почти полностью освобождён от всех домашних обязанностей и забот и поэтому целые дни безотлучно проводил с поисковиками. Веселил их несмолкаемыми разговорами, давал дельные, а иногда и не очень, советы, где, в каких местах и в каком направлении надо вскрывать землю, вспоминал военные годы, когда он совсем ещё мальчишкой вместе с матерью занимался похоронными работами — водил под уздцы запряжённую в волокушу лошадь. Но особенно любил Прошка посидеть с поисковиками поздно вечером возле костерка, выпить с ними по рюмочке, обсудить прошедший трудовой день, повнимательней рассмотреть найденные трофеи: насквозь проржавевшие наши и немец-

кие автоматы и винтовки, каски, позеленевшие латунные бляхи от ремней, и наших, и немецких солдат. Наших — с пятиконечной лучезарной звездой, а немецких — с кощунственной надписью: *Gott mit uns* — «С нами Бог». О найденных солдатских останках, костях и черепах, говорили редко. Разложенные по дощатым ящичкам (наши — отдельно, немецкие — отдельно, хотя, может быть, и ошибочно: человек, он только при жизни отличается от другого человека внешним своим обликом, дарованным ему от рождения, языком-речью да одежками, а по смерти прахом своим, костями и черепом все одинаковы), — они разговора и обсуждения не требовали.

* * *

За два месяца работы поисковики на месте боевых действий противоборствующих армий, немецкой — захватнической и Красной — освободительной, солдатских останков нашли немало. Имена погибших, правда, удалось установить лишь в двух случаях: ножами или какими-нибудь иными остро заточенными инструментами они были глубоко и аккуратно нацарапаны на немецких, похожих на шлемы тевтонских псов-рыцарей касках. Наши же беспечные солдатики все так и остались безымянными.

В конце августа поисковики собрались уезжать из Березанки. Они заметно уже притомились тяжкими своими трудами, да и, по их прикидкам, всё, что можно было вырыть и найти на заливных пойменных лугах, на приготовленных уже к осенней пахоте полях и огородах, в берёзовых рощах и сосновых борах, они нашли и вырыли. К тому же и отпуска, в счёт которых поисковики занимались изысканиями, у них заканчивались.

Прошке расставаться с поисковиками было огорчительно и жалко: где он ещё найдёт таких внимательных и усидчивых слушателей? От скорой разлуки с новыми друзьями и товарищами Прошка горестно вздыхал, печалился, стал даже приходить на раскопки с берёзовым посошком, чего раньше за ним не водилось: он без всякого посошка и подмоги был ещё проворен и лёгок на ходу.

И вот в один из последних перед расставанием вечеров, сидя с поисковиками возле костерка, Прошка прервал обычные свои затяжные разговоры-повествования и вдруг попросил их:

— Ребята, вы бы копнули ещё вон там, возле старого глинища.

Шатким сучковатым посошком он указал далеко в сторону от бывших траншей и окопов, где, примыкая к смешанному берёзово-хвойному лесочку, действительно виднелось давно заброшенное и заросшее негустой полынью глинище.

— А что там может быть? — не слишком заинтересованно переспросил Николай Петрович, кажется, легко разгадав незамысловатую хитрость деда Прошки.

— Всё может быть! — воодушевился тот и начал, в который уже раз, рассказывать о том, как в сорок третьем году, когда наши войска захватывали плацдарм, он с матерью и другими березанцами прятался именно в этом лесочке, за глинищем. Но к прежним своим рассказам Прошка добавил теперь одну подробность, которая раньше ему не вспоминалась. С уверенностью бывалого, опытного солдата он принялся рассказывать вполне достоверно и подробно о том, как наши бойцы цепью, правым её краем (в пятидесятых годах Прошка служил в пехоте и считал себя большим знатоком пехотных цепей и построений), бежали вдоль глинища, а немцы, подпустив их поближе, открыли встречный, заградительный огонь. Красноармейцев и командиров полегло там немало. Женщины, старики и дети на волокушах привезли оттуда к братской могиле человек, наверное, пятнадцать, но многие могли остаться и под землёй, засыпанные глиной.

— Надо бы копнуть, — заключил он свой основательный рассказ.

— Ладно, — чтобы не обижать Прошку, сказал Николай Петрович. — Завтра с утра поглядим...

Обещание своё Николай Петрович выполнил. Едва Прошка появился возле палаточного лагеря, он позвал Алёшу, Витю и Славика и пошёл вслед за настырным проводником к глинищу с необходимым для раскопок снаряжением: металлоискателем, разных размеров лопатами (штыковыми, совковыми и особой закалки и остроты — стальными, сапёрными), длинными железными штырями и даже с небольшой, удобно складывающейся лесенкой на тот случай, если придётся спускаться глубоко в разрытые ямы.

По указке Прошки Николай Петрович, вооружившись металлоискателем, стал переходить с одного места на другое, внимательно прислушиваясь, не раздастся ли в наушниках обнадеживающий прерывистый сигнал, да поглядывая на заброшенные шурфы-колодцы глиняных выработок, в которые ничего не стоило провалиться. Но металлоискатель предательски помалкивал, ничего металлического не обнаруживая под землёй. Ничего не находили там и помощники Николая Петровича, хотя и они по подсказке Прошки со всем прилежанием и тщательностью обследовали длинными штырями заросшие луговой овсяницей и осокой подступы к глинищу.

Поисковики под предводительством Прошки всё утро трудились, не разгибаясь, но часам к одиннадцати, когда солнце поднялось уже над речной урёмой и разгорелось по-августовски жарко, они решили к великому его огорчению и расстройству работы сворачивать — больше искать было вроде и негде, да и понапрасну.

Николай Петрович и притомившиеся ребята собрались под высокой, начавшей уже в преддверии осени кое-где желтеть листом берёзой, чтоб немного передохнуть и возвращаться в лагерь — готовиться к отъезду из Березанки. Прошка больше поисковиков не останавливал и не уговаривал. Он тоже подошёл к берёзе, понуро присел на песчано-глинистом бугорке и, прерывисто вздыхая, принялся перебирать в памяти детские свои видения, задним числом сомневаясь, бежали здесь, вдоль глинища, захватывая плацдарм, красноармейцы или не бежали. Но чем больше Прошка думал и вспоминал, тем всё сильнее укреплялся в вере, что — нет, всё же бежали, и он поисковиков в заблуждение не вводит.

Белоствольной раскидистой берёзы, под которой поисковики сейчас собрались, тогда на опушке глинища не было. Она объявилась и проросла самосевом много позже, после войны, а в сорок третьем году от глинища, уже и тогда наполовину заброшенного, и до самой окраины села простиралась открытая луговина. Малый, но зоркий и ко всему внимательный Егорка-Прошка никак ошибиться не мог: низко пригибаясь к земле и выбрасывая далеко вперёд длинноствольные винтовки и автоматы с круглыми патронными дисками, красноармейцы всё бежали и бежали вглубь луговины, а немцы, стараясь остановить их, всё плотнее и плотнее стреляли из орудий и миномётов. Земля от разрывов вздымалась на дыбы, гудела и дрожала, казалось, сама готовая взорваться. В этих земляных смерчах и пороховом дыму красноармейцы на минуту исчезали, падали, но когда земля оседала, а дым рассеивался, они опять, пусть и меньшим уже числом, поднимались и неудержимо бежали вперёд.

Николай Петрович, впервые увидев Прошку столь задумчивым и молчаливым, подошёл к нему поближе и присел рядышком, намереваясь утешить старика каким-нибудь ободряющим словом. Длинный, будто сennie грабли, металлоискатель с насадкой на конце он положил чуть в стороне, в тени берёзы, так, чтоб тот не раскалялся на солнце. Подыскивая утешительные слова для Прошки, Николай Петрович начал было закуривать сигарету и вдруг бросил её незажженной на землю и встревожено вскинул голову. Из наушников, лежащих на травянистой кочке, доносился едва слышимый, но настойчивый сигнал, словно кто-то невидимый давал из-под земли о себе знать азбукой Морзе.

Николай Петрович подхватился на ноги, надел наушники и, приказав всем собравшимся возле берёзы соблюдать полную тишину, стал сантиметр за сантиметром обследовать возвышающуюся бугорком у её подножья луго-

вую задернившуюся кочку. Прошка, несмотря на запрет, тоже подхватился и, пристроившись рядом, шёпотом спросил:

— Есть что-нибудь?

— Похоже, есть! — на мгновение отвлёкся от прослушивания Николай Петрович.

— Я же говорил, — воодушевился, продвигаясь за ним шаг в шаг, Прошка, — надо копать...

— Кошнём, — заверил Прошку Николай Петрович и, чтоб окончательно рассеять и свои, и его сомнения, протянул Прошке наушники.

Тот проворно перенял их и, спрятав за пазуху подаренную внуками бейсболку с длинным, укрывающим глаза от солнца козырьком и какими-то непонятными иноземными надписями, приладил пружинчатую дужку поверх седеньких истончившихся волос. Наушники минуту-другую помолчали, как будто собираясь с силами, а потом зашлись в непрерывном тревожном писке, который всё усиливался и усиливался по мере того, как Николай Петрович, обойдя бугорок по кругу, остановил насадку металлоискателя в самом его центре. Теперь уже Прошка, погрозив пальцем и Николаю Петровичу, и Алёше с товарищами, чтоб они стояли, не шевелясь, потуже прижал ладонями к вискам наушники, и ему вдруг показалось, что оттуда, из-под земли, сигналы эти подаются специально для него, старого Прошки, как бы в награду за то, что он с самого начала был твёрд и непоколебим в своей вере в то, что они найдут непременно какие-нибудь останки на глинище.

Когда же Прошка вдоволь наслушался стонущих подземных сигналов и сказал про себя тому, кто подавал их: «Потерпи маленько, потерпи, сейчас добудем!», — Николай Петрович распорядился:

— Копайте вот так — по кругу.

Алёша, Витя и Славик, вооружившись лопатами, тут же принялись за дело. Сначала они сняли травянистый дёрн и уложили его рядком под берёзой. Прошка ещё в первые дни раскопок заметил, что и Николай Петрович, и его подчинённые (особенно самый старший из них — Алёша) относятся к земле бережно и ответственно. Выкопав яму и отыскав в ней всё, что можно было отыскать, они зарывали её снова и обязательно укладывали поверх сырого потревоженного грунта цельный травяной дёрн. Прошка такое отношение поисковиков к земле всемерно одобрял и поддерживал. Она, бедная, здесь ещё со времён войны вон как изуродована! Раненая, а местами так и вовсе убитая, мёртвая земля... Столько лет прошло с той погибельной поры, а она никак не может залечить свои раны и воскреснуть к новой, плодородной жизни.

Вслед за дёрном на два-три штыка шла сухая, серо-сыпучая супесь, а потом вдруг показалась красная, с белыми прожилками и отливами глина. По краям намеченной ячейки она была каменно твёрдой, словно веками слежавшейся в пласты и глыбы, а в самой серёдке, по центру — сыпучей и рыхлой и довольно легко поддавалась штыковым и совковым лопатам.

Работали ребята споро, опыта им было не занимать. Вначале рыли все втроем, а когда ячейка углубилась до колена — поодиночке, часто сменяя друг друга, чтобы не уставать и чтоб было сподручней и вольней разворачиваться и выбрасывать на поверхность глину. Разгорячившись, ребята снимали рубахи и майки и теперь блестели на жарком солнце загорелыми за лето до жгуче-коричневой темноты мускулистыми, натренированными телами.

— Молодцом, ребята, молодцом! — поощрял землекопов Прошка, поочередно заговаривая то с одним, то с другим, то с третьим.

В молодые свои годы он тоже был мускулистым и крепеньким, упорным и тягловым в работе. Летом, когда доводилось артельно рубить дома или заниматься на свежем воздухе каким-либо иным плотницким или столярным делом, Прошка непременно снимал рубаху и майку, и напарники, что были старше него, точно так же завидовали его силе, здоровью и загорелому, не знающему усталости телу. Теперь же дряхлый и ослабевший Прошка (чего уж тут попусту хорохориться!) открыто тосковал по настоящей мужской работе и несколько раз порывался спуститься в ячейку, чтоб, завладев лопатой, в полную силу потрудиться, тем более при такой, считай, похоронной

работе, которую, может быть, надлежало бы свершать именно ему — старому, пожилому человеку.

Но Николай Петрович каждый раз останавливал его, словно берёг для каких-то иных, более ответственных дел.

В перерыв, когда ребята сменялись в яме, Николай Петрович опускал в красную, горячую её глубину металлоискатель, напряжённо прислушивался к его то отрывистым, кратким или наоборот — протяжным и длинным сигналам и подбадривал неутомимых работников:

— Ближе уже.

Но было вовсе ещё и не близко. Ребята, углубляя и расширяя ячейку, проходили штык за штыком, но ничего в ней пока не отыскивалось: ни латунно-медной пряжки от солдатского ремня, ни разрозненных деталей винтовок и автоматов, ни даже стреляных гильз, которые в других местах встречались чаще всего. Прошка не на шутку обеспокоился таким обстоятельством и, подступая поближе к Николаю Петровичу, принимался подсказывать ему:

— Левее надо было взять! Левее!

— Возьмём и левее, — успокаивал Прошку Николай Петрович и опять опускал в ячейку металлоискатель, не дожидаясь уже пересменки ребят.

И вот во время одного из таких погружений металлоискатель зашёлся, словно в неостановимом, пронзительном плаче.

— Осторожнее! — крикнул Николай Петрович работающему в ячейке Алёше.

Но тот уже сам, без напоминания Николая Петровича понял, что надо работать как можно бережней. Он отбросил в сторону лопату, опустился на колени и начал где ладонями, а где и одними только чуткими, ловкими пальцами разгребать сухую и на полтораметровой глубине глину.

Все остальные работники во главе с Николаем Петровичем сгрудились наверху, у самого обрыва ячейки, понапрасну стараясь определить, что там проявляется под ладонями и пальцами Алёши. Но пока ничего не было видно: вздрагивающей своей от напряжённой работы и учащённого дыхания спиной он закрывал всё днище раскопок.

Прошка, нарушая приказ Николая Петровича, самовольно вздумал было спуститься по лесенке Алёше на подмогу, но тот, наконец, разогнувшись, прислонился спиной к холодной глиняной стенке и, с трудом сдерживая волнение, проговорил сдавленным тревожным полушёпотом:

— Смотрите...

Все смотрели и в первое мгновение не могли вымолвить ни единого слова. Даже словоохотливый, непоседливый Славик — и тот затих, не в силах произнести ни звука. Горячий, яркий луч солнца, пробившись сквозь зелёно-багряную завесу берёзовых ветвей и листьев, высветил на дне ямы молодое, не тронутое тлением лицо погибшего в бою солдата. Было оно худым и измождённым, но не землисто-серым, какими обычно бывают лица умерших людей, а светло-коричневым, загорелым, совсем таким же, как у Алёши, Вити и Славика.

Раньше других опомнился и пришёл в себя Николай Петрович.

— Ничего не трогай и вылезай наверх! — приказал он Алёше. Тот беспрекословно подчинился, выбрался на поверхность и, переводя дух, тяжело присел на глиняной насыпи. Долговязый Витька протянул Алёше фляжку с водой, а Прошка вытащил из-за пазухи бейсболку, аккуратно расправил её и передал Алёше, чтоб тот мог прикрыть от солнца и ветра свою разгорячённую работой голову. Алёша ни от фляжки, ни от внимания Прошки не отказался. Он долго захлёб пил воду, пока фляжка не опустела, потом натянул бейсболку и теперь уже с высоты глиняного бугорка посмотрел на лицо солдата в ячейке раскопа.

— Надо же! — всё так же, полушёпотом, словно робея собственного голоса, произнёс он. — Сроду такого не бывало...

— По Божией Воле и Промыслу, — легонько и успокоительно прикоснулся к плечу Алёши заскорузлой стариковской ладонью Прошка, — может быть, ещё и не такое увидишь.

Николай Петрович вмешиваться в их разговоры не стал. Добыв из рабочей походной сумки обыкновенный мастерок-кельму, которым пользуются

печники и каменщики, и целый набор разных кисточек, он спустился по лесенке в ячейку. Точно так же, как и Алёша, Николай Петрович встал вплотную к стенке на колени и принялся кельмой и кисточками высвобождать из глиняного плена останки солдата. Алёша — со своего бугорка, а Прошка с Витькой и Славиком — пристроившись на противоположном обрыве ячейки, неотрывно следили за каждым его движением. Из-под рук Николая Петровича вначале показалась по-юношески тоненькая шея, потом белая-белая гимнастёрка с погонами рядового бойца Красной Армии. Судя по этой гимнастёрке, воевал он давно, по крайней мере, всё лето, и она выгорела на палящем солнце до перевозданной холщовой белизны. На ремне, туго защёлкнутым на талии пряжкой с потемневшей, но хорошо различимой звездой, были приторочены с правой стороны — подсумок и точно такая же, как у поисковиков, алюминиевая фляжка, а с левой выглядывала из-за бедра сапёрная стальная лопатка. Брюки-галифе у солдата тоже были выгоревшими до белизны, и чувствовалось, что были они уже ношенные, в нескольких местах наспех зашитые через край широкими стежками. Обут красноармеец был в грубые солдатские ботинки с идущими почти до самых колен обмотками, удивительным образом сохранившими свой зелёный защитный цвет.

Широко, врзлёт размётанные руки солдата Николай Петрович высвободил из-под глины в самом конце раскопок, и тут обнаружилось, что в правой руке он держит крепко зажатую ладонью за цевьё трёхлинейную винтовку, а левую в последнее мгновение жизни обронил вольно, словно давая ей отдохнуть от тяжелых солдатских трудов.

Но больше всего поразили и Николая Петровича, и заглядывающих в ячейку ребят, и Прошку берёзовые розоватые корни, которые, словно охраняя, оплели солдатское тело по груди и поясу. Казалось, они навечно связали его с землёй и ни за что не хотят отпускать.

— Подайте секатор! — разгибаясь в полный рост, попросил Николай Петрович.

Алёша, уже воспрянувший духом после минутного забвения, протянул ему обыкновенный садовый секатор на длинных ручках, который на такой вот случай, когда приходилось в глубине раскопанной ячейки обрезать корни деревьев и кустарников, был в запасе у поисковиков.

Николай Петрович перехватил секатор и, опять припав на колени, осторожно и умело обрезал корни. Витя и Славик забрали их у него и отнесли за глиняную насыпь в заросли полыни, чтоб они не мешали дальнейшей работе. Корни были ещё живые, наполненные соком, но отрезанные от берёзы, как-то сразу померкли, потеряли упругость и жертвенно легли в полынные белёсые заросли.

Пока ребята относили обрезки корней, Николай Петрович мягкой невесомой кисточкой обмёл с груди солдата густо покрывавшие её комочки глины и песчинки. Когда же он отнял кисточку, то все увидели, что на левой стороне груди солдата, захватывая и накладной, застёгнутый на пуговку карман, темнеет широкое, с рваными краями пятно. Глядя на это пятно и разметавшиеся в смертном покое руки, нетрудно было догадаться, как погиб солдат. Вражеская свинцовая пуля попала ему в самое сердце. Солдат запнулся на стремительном своём бегу, взмахнул руками и упал навзничь в глубокий глиняный шурф, через который всего за мгновение перед тем перепрыгнул. От близкого разрыва снаряда глина рядом с шурфом вздыбилась и навсегда засыпала, похоронила его в отдельной, только ему доставшейся могиле. Потом год за годом поверх глиняной насыпи влажными, речными и суховейными, полевыми ветрами нанесло тоненький слой плодородного грунта; он пророс луговой овсяницей, осокой, полевыми цветами, по большей части жёлтыми лютиками, и все они скрыли его могилу, не обозначенную ни православным крестом, ни пирамидой-звёздочкой, ни сколько-нибудь приметным бугорком-холмиком.

Освободив грудь солдата от берёзовых корней и глиняных комьев, Николай Петрович уже хотел было подниматься по лесенке вверх, чтоб обсудить с Прошкой и ребятами, как поступать с обрётённым солдатом дальше, но вдруг в прорези расстёгнутой его гимнастёрки он заметил ярко блеснув-

ший и будто загоревшийся под лучами проникшего в глубину ячейки солнца огонёк-искорку. Николай Петрович помедлил, снова низко склонился над солдатом и бережно извлёк из прорези гимнастёрки вначале серебряный крестик, покоившийся на серебряной, тонкого плетения цепочке, а потом изготовленную из серебра в виде махонькой дощечки иконку-ладанку. Солнечный луч, обходя плечо Николая Петровича, высветил на крестике не помутневшее ни единой чёрточкой за долгие годы лежания в земле распятие, а на ладанке — такой же чистоты и ясности икону Тихвинской Божией Матери, извечной заступницы и охранительницы российского воинства. Удерживая обе находки на ладони, Николай Петрович перевернул ладанку тыльной стороной и обнаружил там надпись.

— Самохин Иван Тихонович, — вслух прочитал он, — тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения, село Знаменка, Ярцевского района, Смоленской области.

Прошка и ребята-поисковики, затаив дыхание, внимали голосу Николая Петровича да издали смотрели на серебряный нательный крестик солдата и словно обновившуюся в лучах августовского солнца икону Божией Матери.

Наконец, Прошка, глубоко, но как-то по-стариковски робко вздохнув, прервал молчание:

— Комсомолец, должно быть, а верил...

— На войне все верят, — тоже тихо из темноты ячейки отозвался Николай Петрович, сам побывавший на двух войнах, раненный там и контуженный.

Он вернул крестик и иконку-ладанку на прежнее место и попробовал извлечь из левого нагрудного кармана убитого солдатскую книжку и комсомольский билет, чтоб прочитать и там фамилию, имя и отчество солдата и удостовериться, что они точно такие же, как и на тыльной стороне ладанки. Но у него ничего не вышло: солдатская книжка и комсомольский билет были разорваны пробившей их пулей и густо залиты кровью, так что прочитать ничего было нельзя, даже если бы удалось их извлечь из пробитого кармана. Он снова застегнул на кармане пуговку, разгладил образовавшуюся складочку, но прежде чем шагнуть к лесенке, ещё раз, теперь уже про себя, повторил, чтобы твёрдо запомнить отчётливо видимые на ладанке слова. Похоже, бумажным, легко уничтожаемым документам погибший солдат не особенно доверял, а вот надписи на ладанке верил незыблемо и крепко.

Призван он был на фронт (или ушёл добровольно, как уходили тогда многие нетерпеливые его ровесники, едва-едва успевшие окончить школу-десятилетку), скорее всего, ещё до оборонительных тяжёлых боёв под Смоленском, когда его заняли немцы.

Серебряный нательный крестик и иконку Тихвинской Божией Матери-Заступницы, несмотря на комсомольские клятвы, надела своему, может быть, единственному сыну Ивану, Ване, мать. А он неудержимо рвался на фронт, чтобы защитить её и своё родное село от наступающего врага. В минуту разлуки, перед отправкой в Ярцево пешим порядком или на какой-нибудь шаткой колхозной телеге, мать крепко обняла его, поцеловала и осенила крестным знамением.

И вот это крестное знамение, нательный серебряный крестик, иконка-ладанка, материнское объятие, поцелуи и слёзы почти два долгих года хранила Ивана от гибели. Не каждому солдату, тем более солдату-пехотинцу, выпадала на войне такая участь и такое счастье. Смертельная вражеская пуля настигла его лишь осенью сорок третьего на правом берегу Десны, у старого заброшенного глинища, совсем уже неподалёку от его родной Смоленщины.

— Что будем делать? — выбравшись из ячейки, обратился почему-то к одному только Прошке Николай Петрович.

— Да как что, — ещё раз острым, пронзительным взглядом окинул Прошка недвижимо лежащего на дне глиняного склепа солдата. — Надо позвать отца Михаила.

— Пожалуй, что и верно, — согласился Николай Петрович и послал строго на ногу Славика в храм за батюшкой.

Славик накинул майку и нацелился было мчаться к церкви, что виднелась голубой маковкой поверх деревенских крыш и деревьев на высоком холмике, рядом со школой. Но совсем неожиданно объявились в подмогу Славику ещё более проворные гонцы. Мимо глинища, от реки в деревню, шли с удочками мальчишки, большие охотники до утренней рыбалки и купания. Заметив под берёзой деда Прошку и поисковиков, с которыми они за лето, часто бывая на раскопках, успели подружиться, знали всех поименно и пофамильно, свернули с проторённой луговой тропинки. Прошка вздумал было сначала не пускать их к разрытой ячейке, боясь, что мальчишки заробеют при виде вновь обретённого солдата, но те, ловко ускользнув от деда, без всякого позволения просочились к глиняной насыпи и глянули вниз. Заробели, приметно даже побелели личиками только самые маленькие ребята, а те, что постарше, глядели безбоязненно и внимательно. Они лишь непривычно примолкли и, соприкасаясь высоко над головами ореховыми гибкими удилицами, теснее сошлись у насыпи. Прошка, видя стойкую храбрость мальчишек, простил им непослушание и вместо Славика, который мог в любую минуту понадобиться возле ячейки, подзвал к себе самого старшего и надежного рыбака и купальщика.

Прошка, признав, чей мальчишка, какого деревенского рода, наказал ему: — Василёк, беги-ка в церковь и скажи отцу Михаилу, чтоб немедленно сюда шёл — найден, мол, негленный солдат.

Василёк, заметно гордясь поручением, бросил свою удочку и лозовую низку рыбы с плотвичками, краснопёрками и окуньками в траву и прямо по лугу, чтоб спрямить дорогу, побежал в деревню.

Остальные мальчишки, отпрянув от ячейки, окружили плотным кольцом Алёшу, Витю и Славику и начали вполголоса, с оглядкой на Николая Петровича и Прошку, которых все же немного побаивались, расспрашивать, как отыскался в земле солдат и почему он лежит, будто живой.

Николай Петрович тем временем принялся звонить по диковинному для Прошки, умещающемуся целиком в ладошке мобильному телефону.

— Ты куда это?! — поинтересовался Прошка.

— В военкомат.

— А зачем?

— Ну, как — зачем?! — перестал колдовать над мобильником Николай Петрович. — Солдата все-таки нашли, без военкомата никак нельзя.

— Это ты зря! — рассудил Прошка. — Сейчас налетят вороньём, всё испортят.

— Что испортят?! — не совсем понял Николай Петрович.

— А всё! — ещё более туманно и уже обиженно ответил Прошка. Николай Петрович вступать в дальнейшие пререкания с ним поостерёгся, зная, что Прошка бывает и неуступчивым, и твёрдым. Опять прижав телефон к уху, он отошёл за глиняную насыпь, в заросли полыни, где ему никто не мог помешать, и стал по-военному чётко докладывать военкому о неожиданной находке в селе Березанке, на краю заброшенного глинища.

— Сейчас подъедет, — закончив разговор, извещил он Прошку, надеясь, что тот смягчится и поймёт Николая Петровича, который по-иному поступить никак не мог. Раскопки повсеместно велись под присмотром военкоматов, и, хотя военные и не вмешивались в дела поисковиков, доложиться туда полагалось и по военному уставу, и по гражданскому закону.

— Пускай едут, — действительно немного оттаял Прошка.

Прикрываясь ладонью от слепящего солнца, он принялся дальнозорко высматривать, не появится ли на тропинке отец Михаил. С полчаса никого видно не было: тропинка и луг выглядели совершенно пустынными и заброшенными, будто по ним никто и никогда не хаживал. Но вот из-за лозовых низкорослых кустов, окаймлявших деревенские огороды, показался вначале Васька-гонец, а потом, почти ни на шаг не отставая от него, и отец Михаил. Был он в посеребрённой широко развевающейся на ветру ризе и голубой камилавке, которые, должно быть, услышав рассказ Васки о негленном солдате, забыл или не успел снять. Риза ярко горела и искрилась на солнце,

а камилавка сливалась с голубой маковкой церкви и заголубевшим на горизонте небом.

Подбежав к разрытой ячейке, отец Михаил вначале было растерялся (ему никогда прежде не доводилось совершать молебен при обретении нетленного тела), но потом он успокоил шаг и дыхание и, осенив себя крестным знаменем, взглянул на солдата.

— На нём и крест есть, и иконка-ладанка! — упреждая Николая Петровича, объяснил Прошка.

Отец Михаил снова перекрестился, взял в руки наперсный крест и начал проникновенно читать молитву — Трисвятое, которую произносил много раз в течение дня: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас»...

Предельно кратких её покаянных слов никто, кроме Прошки, достоверно не знал, но все: и притихшие мальчишки, и молодые ребята-поисковики, и серьёзный и суровый Николай Петрович — почувствовали, что без молитвенного слова батюшки сейчас никак нельзя.

Молитву отец Михаил прочитал, как и полагается, троекратно, и после каждого всё больше объединялись вокруг разрытой ячейки дети, подростки, мужчины-поисковики и дед Прошка.

Они действительно почувствовали своё единство — верующие и не очень, — они забыли обо всех житейских делах и не заметили, как едва различимая прежде на горизонте тучка стремительно побежала по небу, играя многоцветной, всё ярче и ярче проступающей на потемневшем небосводе радугой. Но вот она зависла над глинищем, и с неё вдруг сорвались крупные, тяжёлые капли слепого солнечного дождя.

Отец Михаил в последний раз осенил себя крестным знаменем и с беспокоеством посмотрел на тучу, опасно потемневшую и скрывающую радугу — полоска за полоской. При виде надвигающейся тучи встревожились и поисковики. Всякий раз, собираясь на раскопки, они захватывали с собой на случай дождя вместе с инструментами и солдатскую непромокаемую плащ-палатку. А сегодня оставили её в лагере: день обещал быть вёдреным, жарким и сухим, да и отыскать сегодня ничего они не надеялись, несмотря на заверения Прошки...

А туча над глинищем всё темнела, сгущалась, грозясь разразиться настоящим ливнем: всего несколько минут тому назад крупные, но вовсе не опасные капли теперь слились в хорошо различимые дождевые струи. Обретённого солдата, навзничь лежащего на дне глиняной ячейки, надо было чем-то срочно укрыть, чтобы защитить от дождя. Поисковики заметались, поспешно собирая разбросанные во время работы рубахи и майки, но их опередил отец Михаил. Он снял епитрахиль и серебряно-белую свою ризу и протянул их Николаю Петровичу:

— Укройте!

Николай Петрович ловко подхватил облачение отца Михаила, спустился по лесенке в ячейку и тщательно укрыл солдата, оставив на виду лишь светло-коричневое, будто загоревшее его лицо, которому теперь никакой дождь повредить, наверное, уже не мог.

Дождь и вправду минут пять-десять шёл обильным непроглядным потоком, заставив всех спрятаться под берёзой, но потом вдруг словно кто-то невидимый обрезал его точно по краю глиняной насыпи. Косые дождевые струи тяжело и шумно падали на бесплодное глинище, на луг, на реку, застали шиферные серые крыши деревенских домов и голубую церковную маковку, а над убежищем солдата уже ярко сияло августовское жаркое солнце.

— Ты погляди! — изумился Прошка, плотнее прижимаясь к стволу берёзы.

И Николай Петрович, и поисковики тоже немало дивились такому явлению, а самые маленькие мальчишки даже заробели и прижались к деду Прошке, будто надеясь на его защиту. И лишь один отец Михаил ничему не удивился и не испытал боязливого изумления: словно продолжая молиться, он произнёс:

— Всё в руках Божиих!

Когда же туча, сгоняемая ветром, уплыла за реку, унося туда с собой скоротечный слепой дождь, он твёрдым шагом вышел из-под берёзового листовенного шатра, будто из царских врат родного храма, и направился к разрытой ячейке.

В её глубине ничего не изменилось, не порушилось: стенки ячейки были почти сухими, не оплыли и не взялись влажными разводами. Только на епитрахили и ризе отца Михаила кое-где виднелись небольшие озера дождевой прозрачной воды, да лицо солдата теперь было омытым, по-утреннему чистым и свежим.

— Как живой! — созерцая обновлённого солдата, воскликнул Прошка и стал созывать к обрыву ячейки малых детей и подростков, чтоб те тоже посмотрели на омытого дождём, будто живого солдата.

Николай Петрович и отец Михаил не стали мешать беседе Прошки с детьми, а, отойдя в сторону, принялись советоваться, как быть с останками солдата дальше.

Но не успели они перемолвиться и двумя-тремя словами, как из деревенской улицы, бороздя тропинку, вылетела на луг бежевая «Волга». В мгновение ока она круто развернулась возле ячейки, и из неё выбрался крупный, тучный мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, повязанной тяжёлым, клонящим его голову к земле галстуком.

— Военком, — вздохнул Николай Петрович и пошёл навстречу.

Прошка остался совершенно безучастным. Несмотря на свою тучность и важность, военком не произвёл на него никакого впечатления. Прошка ещё с давней своей юности, когда он только собирался идти служить в армию, привык к тому, что военком — это всегда человек военный (не зря же он и зовётся военным комиссаром!), как правило, в значительном звании — подполковник или, в крайнем случае, майор. Этот же, хотя и был надменным и важным, и при разлапистом галстуке, но всё же гражданским — нестроевым. На нём, как и на недавно ушедшем в отставку министре обороны, тоже человеку сугубо гражданском, трудно было представить туго затянутый ремень, португеею через плечо и погоны. Никакой власти такого военного комиссара Прошка над собой признавать не желал. С места он не тронулся, а, опершись на посошок, стоял возле глиняной насыпи в окружении мальчишек и без всякого волнения дожидался, пока Николай Петрович подведёт его поближе.

Военком, в свою очередь, тоже не обратил особого внимания ни на Прошку, ни на отца Михаила, который без облачения совсем не был похож на священника — обыкновенный деревенский мужик, ни на Алёшу с Витей и Славиком, ни тем более на малых беспокойных мальчишек, как будто здесь, у глиняной насыпи, никого из них вовсе не было. Тяжело, по-медвежьки переваливаясь с ноги на ногу, он подошёл к краю раскопок и, ещё не заглядывая в их глубину, с некоторой досадой и недовольством спросил Николая Петровича:

— Ну, что тут у вас?!

— Да вот, — указал ему на нетленного солдата Николай Петрович.

— Та-ак, — протянул военком, долго и придирчиво всматриваясь в ячейку.

Все тревожно примолкли, ожидая от него самого справедливого решения. И военком, уверенной рукой поправив на шее ослабевший под собственной тяжестью галстук, со всей своей важностью и значительностью вынес, как ему казалось, единственно правильное и справедливое решение:

— Ну что ж, похороним с отданием воинским почестей! Что здесь неясно?!

Он собрался уже возвращаться назад к машине, но тут Прошка неожиданно для всех и, в первую очередь, для гражданского военкома выказал свой характер. Он вышагнул из рядов мальчишек и из тени берёз и застыл в шаге от грозного военкома — невысокий росточком, седой, но крепкий ещё и телом, и духом.

— Больно ты скор, — с вызовом обратился он к военкому, — похороним...

— А что же ещё-то?! — только сейчас, кажется, и увидел Прошку военком. — Под открытым небом оставим?

— А это всё в Божией власти, не в нашей, — почти в точности повторил слова отца Михаила Прошка,

— Ну-ну! — только и нашёлся ответить военком.

Он неожиданно ловко для своего тяжёлого и неуклюжего тела развернулся и пошёл назад к машине. Но прежде чем сесть в неё, подзвал к себе Николая Петровича и предупредил:

— Куда надо, мы сообщим!

— Хорошо, — Николай Петрович пожал ему руку, и на том переговоры с военкомом завершились.

Шофёр сразу, как только военком захлопнул дверцу, завёл машину, и она стремительно помчалась обратно в село, поднимая позади себя неизвестно откуда взявшуюся на мокром после дождя дугу пыли...

* * *

Слух о том, что поисковики нашли на старом глинище нетленного солдата, быстро облетел всё село. Принесли его туда мальчишки-рыбаки, которые, боясь, что им достанется от матерей за долгую отлучку, разбежались по домам, едва только военкомовская машина отъехала от глинища. Ну, а коль узнали о нетленном солдате женщины, то слух о нём уже как бы сам собой понёсся от дома к дому, от подворья к подворью, тревожа и поднимая на ноги всю Березанку.

Поисковики ни о чём ещё не договорились и ничего определённого не решили, лишь вернули отцу Михаилу епитрахиль и ризу, открыв опять солдата полуденному свету и солнцу, а от села к глинищу стал стекаться народ: не занятые на полевых работах старики и старухи, шустрые мальчишки, которые остро завидовали сверстникам, прознавшим о нетленном солдате раньше них. Теперь они старались наверстать упущенное и, обгоняя друг друга, бежали кто по разрушенной военкомовской тропинке, а кто лугом, примыкавшими к глинищу дальними огородами и илистым речным берегом. Прервав жатву, появились на окраине села и занятые в поле мужчины и женщины.

Но впереди всех, сопровождаемый внуком, шёл, ощупывая дорогу длинной тоненькой палочкой, последний оставшийся в живых березанский солдат-фронтовик Сергей Махоткин. Во время войны на подступах к городу Будапешту он был тяжело ранен в голову, ещё тяжелее контужен и почти полностью потерял зрение. Увечью своему Сергей, правда, не поддался, не впал в отчаяние, а, обходясь остатками зрения, работал в колхозе наравне со здоровыми мужиками. Он удачно женился на деревенской девчонке, подросток к его возвращению с войны, родил троих сыновей. Но постепенно он и все ослеп, и лет десять, а то и все пятнадцать пребывал уже в непроглядной кромешной тьме. Жена, сыновья и внуки возили его по разным больницам, клиникам и глазным институтам, вплоть до знаменитых московских, но врачи лишь разводили руками. Беда Сергея заключалась в том, что в результате фронтového ранения и особенно контузии у него были повреждены глазные нервы, а против такого увечья современная наука и врачебное искусство пока бессильны.

Сергея с внуком на тропинке никто, даже нетерпеливые мальчишки, обгонять не решались, чувствуя и понимая, что он, фронтовик и участник войны, должен прежде них приблизиться к обретенному солдату. Пусть Сергей его не увидит, но ощутит его присутствие и укрепитесь силами.

К приходу Сергея Махоткина отец Михаил снова облачился в ризу и епитрахиль, словно перед самой торжественной Литургией. Прошка тоже подобрался, отряхнул с рубахи и брюк налипшие глиняные крошки и всякие иные соринки и встал рядом с батюшкой, готовый встречать односельчан приветливым и обходительным словом, объяснять, что тут, на глинище, случилось.

Сергей Махоткин по разговору и негромкому покашливанию Прошки догадался, что тот здесь, на боевом посту, и что без него столь необыкновенное происшествие никак обойтись не могло. Он легонько постучал палочкой возле обутых в летние, переплетенные наперекрест всего двумя кожаными полосками сандалии ног Прошки и попросил, обращаясь к нему по родовому имени:

— Егор, подведи меня к нему!

— Так он ведь пока на глубине, в ячейке! — растерялся Прошка.

— Ничего, — не отступал Сергей. — Лесенка-то небось есть?

— Лесенка есть, — с готовностью отозвался Прошка.

— Я по ней и спущусь, — постучал впереди себя палочкой по травяному насту Сергей. — Ты только укажи — куда ступить.

Прошка подхватил Сергея под руку и подвёл к обрыву ячейки, к алюминиевой рабочей лесенке поисковиков. Ему принялись помогать внук Сергея, ребята-поисковики, Николай Петрович и даже отец Михаил, обнимая и придерживая незрячего фронтовика за плечи. Но Сергей, нащупав руками лесенку, сказал, что справится сам. За долгие годы слепоты Сергей привык к ней и приловчился всё делать самостоятельно, никого не обременяя излишней заботой: одевался-обувался, аккуратно брился опасной бритвой-складеньком, помогал жене по дому и на дворе, мог даже, когда был помоложе, принести из колодца воды.

Пошатав лесенку из стороны в сторону и убедившись, что она стоит прочно, Сергей развернулся и начал ощупывать ногой первую перекладинку, чтобы спуститься в ячейку. Но тут его упредил неутомный Прошка:

— погоди немного, — остановил он Сергея, — я спущусь вперёд, чтоб принять тебя на глубине.

— Спускайся, — согласился Сергей и, пропуская Прошку, отступил на шаг от обрыва.

Прошка на редкость проворно для своего возраста спустился в ячейку и позвал Сергея:

— Давай!

Сергей, оставив на поверхности свою ореховую палочку-поводыря, опять нащупал ногой ступеньку и стал спускаться в ячейку. Прошка принял его внизу, прислонил к глиняной стене, дождался немного, пока Сергей устоится, обретёт равновесие, и подсказал:

— Теперь склоняйся на колени.

Сергей, скользя и придерживаясь плечом о стенку, опустился на узенькую глиняную площадочку по правую сторону от солдата. Прошка сделал то же — по левую.

— Где он? — повёл впереди себя рукой Сергей.

— Пониже опусти ладонь, пониже, — подсказывал Прошка.

Сергей опустил ладонь как можно ниже, к самой земле и нащупал плечо солдата и погон. Осторожно, но крепко, он сдвинул худое это, угловатое плечо, будто поздоровался с солдатом, будто когда-то он его хорошо знал, но внезапно и надолго, как это часто бывало на войне, разлучился с ним на фронтовых дорогах.

Секунду помедлив, Сергей так же бережно начал перебирать чуткими пальцами, продвигаясь к лицу солдата. Вначале он прикоснулся к его щеке, потом к виску и коротко остриженным, не потерявшим своей жёсткости волосам.

— Молодой? — по учащенному дыханию Сергей определил, где находится Прошка, и повернулся в его сторону.

— Молодой, — тихо, но внятно проговорил Прошка. — Двадцать третьего года рождения. Иваном зовут, родом из-под Смоленска.

— Погодок, — Сергей погладил солдата по стриженной голове, словно малого ребёнка, который годился ему теперь то ли в сыновья, то ли во внуки, то ли в правнуки.

— На нём и крест есть, и иконка-ладанка с ликом Пресвятой Богородицы, — заговорил снова Прошка. — Там всё и написано: кто он и откуда.

Но Сергей оставил его слова без внимания, словно откладывая размыш-

ления о них на будущее, когда они поднимутся из ямы на поверхность и немного успокоятся. А сейчас он спросил Прошку о другом:

— Куда его убило?

— В самое сердце, — после краткого молчания ответил Прошка.

— Лёгкая смерть, — словно завидуя солдату, вздохнул Сергей. — Мгновенная.

Он передвинул руку с головы солдата на грудь, обнаружил там крест и иконку, но не тронул их, а закрыл широкой, отяжелевшей за долгую жизнь от постоянной крестьянской работы ладонью рану солдата под левым карманом гимнастёрки, как будто хотел предохранить его от смертельной пули.

Сергей долго стоял неподвижно над поверженным солдатом, к чему-то напряженно прислушивался внутри самого себя, что-то обретал и никак не мог поверить этому обретению.

— Я вижу его, — вдруг взволнованно и тревожно произнёс он.

— Кого? — не сразу понял Сергея Прошка.

— Солдата, — чуть громче, крепнувшим голосом проговорил тот. — Лицо его вижу, грудь, винтовку в руке, крест и ладанку на груди... И тебя, Прошка, вижу. Седой ты весь и щуплый.

Прошка замер, бессильно прислонившись спиной к глиняной стенке. Замерли и стоявшие наверху Николай Петрович, отец Михаил и ребята-поисковики.

А Сергей, всё так же не отрывая ладони от груди солдата, высоко запрокинул голову и, просветлев лицом, повёл вокруг ещё недавно затынутыми пеленой глазами и сказал уже совсем уверенно и отчетливо:

— Берёзу вижу и солнце.

Он опять сам, без помощи Прошки, поднялся с колен, отыскал взглядом лесенку и поднялся наверх. Там его окружили односельчане и поисковики и стали наперебой расспрашивать, до конца не веря в то, что сказал Сергей:

— Правда, видишь?!

— Вижу, — рассмеялся Сергей и указал на внука. — Вот это внук мой, Сергей, очень похож на меня в молодости.

Это было и вправду так. Старики и старухи, которые помнили Сергея Махоткина в молодые его довоенные и послевоенные годы, говорили ему всегда, что, мол, Серёжа больше похож на деда, чем на отца с матерью. Теперь Сергей и сам убедился в этом. Он обнял, прижал внука к себе уверенной рукой, будто в то же мгновение и она прозрела, и сказал, не скрывая радости:

— наших кровей, махоткинских.

Стал Сергей узнавать и других березанцев, называть их по именам и фамилиям, несказанно радовался этому узнаванию сам и радовал всё тесней и тесней окружавших его односельчан, которые намеренно старались попасться ему на глаза, чтобы окончательно убедиться в том, что не обманывает их Сергей — видит он теперь всё вокруг!

Пока длилось узнавание, Прошка тоже выбрался из ячейки и принялся восторженно рассказывать березанцам, как там, на глубине, всё случилось: как Сергей, положив руку на простреленную грудь солдата, вдруг прозрел, увидел вначале убиенного, а потом и его, Прошку, и нисколечко не ошибся, что это именно он, Егор Дмитриевич, весь седой, в клетчатой летней рубаше на коленях стоит перед ним.

Прошку все внимательно слушали, добываясь мельчайших подробностей происшедшего, а когда он умолк, несколько человек, которых давно уж одолевали старческие болезни и увечья, робко спросили его, нельзя ли и им спуститься к солдату.

— Это как отец Михаил решит, — не посмел дать позволение Прошка.

Болящие стали пробиваться сквозь толпу к отцу Михаилу, но в шаг от него остановились и притихли. Отец Михаил вдруг негромким, особенно проникновенным голосом нараспев стал читать молитву, хотя без разрешения высшей духовной власти, может, и не имел на то права: «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы...», — которую обычно читают Великим постом при совершении Литургии Преждеосвященных Даров. Кто как умел и мог, поддержали его, и торжественно-скорбное это песнопение широко растеклось по суховейному глинищу и по лугу.

Не пел лишь один Сергей Махоткин. Он всё глядел и никак не мог наглядеться на это пожухлое к осени глинище, на высокоствольную берёзу, на дуг и речку, но больше всего — на прозрачное голубое небо, заново обретая его, как будто заново рождаясь на свет Божий.

Когда соборная молитва была завершена, отец Михаил троекратно благословил березанцев крестным знамением и повелел им расходиться по домам до нужного часа. Но уходить никто не торопился. Березанцы ещё теснее сгрудились вокруг разрытой ячейки, стараясь хоть краешком глаза взглянуть на нетленного солдата, а болящие, наконец, пробившись к отцу Михаилу, принялись слёзно просить позволения спуститься к солдату в раскоп.

— Не надо его пока тревожить, — удерживал их отец Михаил, — моей власти здесь мало...

Березанцы вроде бы и согласились с отцом Михаилом, что только высшие духовные лица могут определить участь нетленного солдата, признать его останки святыми мощами или не признать, но вместе с тем и тревожились, как скоро это случится, и где пребывать до той поры обрётённому.

И тут возник рядом с отцом Михаилом совсем было затерявшийся в толпе Прошка.

— В раку его надо заключить, — подсказал он самое верное, на его взгляд, решение. — Заключить в раку и в церкви под Престолом поставить. А там видно будет...

Отец Михаил окинул притихшую свою паству, не всегда прилежную в отправлении церковных обрядов, отеческим взглядом, словно советуясь с ними и сомневаясь, дозволено так ему поступить или не дозволено, потом перевёл взгляд на нетленного солдата и, наконец, спросил выжидающе взиравшего на него, застывшего Прошку:

— А ты раку смастерить сумеешь?

— Отчего ж не суметь, — загорелся Прошка, радуясь согласию отца Михаила. — Сладим с Божией помощью.

— Благослови тебя Бог! — отец Михаил осенил Прошку наперсным крестом. — А мы все будем молиться за тебя...

* * *

Молва о нетленном солдатике, обрётённом в Березанке, быстро облетела все окрестные деревни и села, и к нему потянулись пешие, конные и автомобильные паломники. Но на подступах к глинищу их неприступным кордоном встречали поисковики, которые переместили туда свою палатку и теперь несли посменно караульную службу. Всегда был при них и кто-нибудь из добровольных церковных помощников отца Михаила, а часто и он сам. Встречая паломников, караульчики сочувственно, но непреклонно отвечали на все просьбы:

— Пока рано. Вот заключим в раку, получим благословение архиерея, тогда и приезжайте.

Паломники на караульных не обижались, понимая, что так оно, наверное, и должно быть: без позволения епископа приложиться к нетленному солдату нельзя, ибо не положено... Они лишь просились хотя бы издалека посмотреть на глиняную ячейку, где покоится солдат. И это им удавалось. Паломники, не отрывая глаз, глядели на прикрытую брезентом ячейку (вдруг опять нагрянет дождь, да ещё с грозой!), вздыхали и соглашались ждать, сколько понадобится...

А Прошка все эти дни старательно мастерил раку.

У него давно лежала в повети дубовая, в два обхвата толщиной колода. Приобрёл ее Прошка в лесничестве на осенней расчистке и намеревался, распустив на плахи, сладить в доме новые подоконники-подушки взамен старых, заметно уже подгнивших. Но дело это у него всё откладывалось и откладывалось. Самостоятельно распустить колоду на плахи ручной пилой Прошка по слабости своих сил уже не мог. Надо было везти её на пилораму в район за двадцать километров, поскольку своя, колхозная, разрушилась

и бесследно исчезла вместе с колхозом. Но доставить туда колоду у Прошки не имелось никакой возможности: ни грузовых машин, ни тракторов с прицепами в Березанке не осталось. Несколько раз Прошка заикался насчёт колоды и подокольников сыну, но тот не торопился исполнять его просьбу: то было ему недосуг, то надумал он поставить в доме диковинные пластмассовые окна, какие теперь повсеместно ставят в городских квартирах, и начал уже для осуществления этого замысла копить деньги.

Так и долежала колода до своего сокровенного часа. Выкатив её на середину повети-мастерской, Прошка, помолясь, приступил к ней со всеми своими инструментами. Несмотря на суетный нрав, плотником и столяром он был отменным, редкого мастерства и искусства. Рубил ли Прошка дом или сарай, вязал ли косяки-лутки, рамы и двери, так он всё это делал ладно, и не только ради прочности и повседневной необходимости, а ещё и ради красоты, чтоб и дом, и сарай, и окна-двери не просто служили по принадлежности своей, но и радовали, веселили глаз. На крыше Прошка непременно водружал голосистого сторожевого петушка, оконные наличники-обиконцы делал резными, с затейливыми кружевными и ажурными кокошниками. Такими же кружевными, воздушно-лёгкими выходили из-под рук Прошки и подстрешные «фартуки», на изготовление которых иные нынешние столяры не желали тратить ни сил, ни времени.

Не раз и не два за свою долгую жизнь приходилось Прошке мастерить скорбные, но, куда ж деваться, необходимые в завершении человеческого земного срока домовины. Только и они у Прошки получались не устрашающими, тяжёлыми или гнетущими, а всего лишь печальными, грустными, пахли сосновой смолой-живицей и, казалось, облегчали и участь усопшего, и горе остающихся на белом свете его сородичей.

Раку Прошка мастерил впервые. Прежде он лишь несколько раз видел её во время солдатской своей службы в Киеве, когда бывал в пещерах Киево-Печерской лавры, да в знаменитых древних монастырях, куда заглядывал не столько на богомолье, сколько — по молодости лет — из любопытства. А теперь вот довелось мастерить раку самому.

Перво-наперво Прошка принялся вырубать столярным малым топориком ложе раки, долотами и стамесками разных размеров, рубанком-горбатином подчищать его. Потом взялся он за наружные её стороны. В изголовье вырубил православный восьмиконечный крест, а в ногах вырезал веночек полевых цветов и трав. На продольных боковинах Прошка пустил стремительно бегущие веточки-вьюнки с продолговатыми листочками, одинаково похожими и на лавровые, и на более привычные вербные.

В ожидании, пока Прошка справится с изготовлением раки, село притихло и будто замерло. Не было слышно ни громких переключек, ни праздного веселья, ни даже ребячьих голосов. Лишь изредка, встречаясь где-нибудь на улице или возле колодца, березанцы, настороженно прислушиваясь к звукам, которые неслись с Прошкиного двора, к шорханью рубанка-горбатика, полусёпотом говорили друг другу:

— Рубит...

— Строгает...

— Ишь, шуришит...

И опять замирали в безмолвии и поспешно расходились по домам...

* * *

Завершил свою работу Прошка на третий день к вечеру и пригласил в повесть отца Михаила с Николаем Петровичем поглядеть, ладно ли получилось, достойно ли и не требуется ли дополнительная доводка.

— Всё ладно, — в один голос сказали отец Михаил и Николай Петрович, дивясь искусству старого Прошки.

Рака и вправду вышла у него на славу, редкой красоты и искусства, прочная и легкая. При свете заходящего августовского солнца, которое про-

никало сквозь широкое, обрамлённое резными наличниками окошко на поветь, она первозданно сияла, словно была выточена не из обыкновенного дуба, а из золота или серебра. Со своими полевыми цветами и травами, туго сплетёнными в веночек, лавровыми и вербными бегунками по долгим боковинам, а более всего — православным восьмиконечным крестом в изголовье раки, казалось, зримо поднималась над усыпанным стружками полом повети и парила в вечернем воздухе.

Отец Михаил отелужил молебен, окропил раку святой водой и, при полном согласии Николая Петровича и Прошки, назначил на завтра перенесение в неё нетленного солдата, а потом Крестный ход с нею до самой церкви.

* * *

Извещённое о решении отца Михаила, село с раннего вечера начало готовиться к завтрашнему Крестному ходу. Женщины достали из шифоньеров праздничные наряды, мужчины отложили все задуманные на завтра дела и поездки, мылись в банях, чисто брились, а дети без долгих уговоров и напоминаний пораньше легли спать, чтоб пробудиться утром ни свет ни заря вместе с отцами-матерями и не пропустить, как будут поднимать из глиняной ячейки и опускать в раку нетленного солдата.

Когда же августовская, наполненная ожиданиями ночь иссякла, березанцы, наскоро управившись с домашними заботами — подоить и выгнать коров в стадо, накормить кур и уток, обиходить прочую мелкую живность, протопить печи, — семьями и поодиночке потекли к глинищу.

Часам к девяти начали подходить и подъезжать пешие, конные и автомобильные паломники из соседних, дальних и ближних деревень, куда долетел слух о сооруженной Прошкой раке и о поднятии солдата с глинища. Долетел он и по проводным, и по модным нынче беспроводным карманным телефонам, а всего надежнее — сам собою, не зря же в народе говорят: “Слухом земля полнится”.

Отец Михаил в церковном облачении, горящем на солнце золотыми и серебряными нитями, подтянутый и значительный Прошка в белой фланелевой рубашке и Николай Петрович с помощниками — все в камуфляжной зелёной форме (жаль, без погон!) — встречали всех приходящих и расставляли вокруг ячейки по бугоркам и холмикам так, чтобы всем было одинаково хорошо видно, что там происходит.

Из церкви были принесены хоругви, иконы, выносной крест с окаймленным Божественным сиянием ликом Иисуса Христа, фонарь на длинной точёной ручке с загодя установленной в нём толстой восковой свечой. По указанию отца Михаила хоругви, крест и фонарь были розданы самым крепким и надёжным мужчинам, а иконы — женщинам и детям.

Но главное, что влекло и приводило в тревожное и печальное состояние духа, в некий трепетный восторг паломников, была установленная у края ячейки раки, которую Прошка вместе с Николаем Петровичем, Алёшей, Витькой и Славиком привезли сюда ещё затемно на легковушке, оборудованной багажником на крыше.

В изголовье раки на табурете сидел Сергей Махоткин, тоже по-праздничному принаряженный домашними в новую рубаху, пиджак и лёгонкие летние туфли. Говорят, внук хотел прикрепить ему на грудь все фронтовые и послевоенные ордена и медали, то тот решительно воспротивился: «Ни к чему это нынче!» И внук не посмел ослушаться деда, хотя и не понял: а почему, собственно, «ни к чему»?

Паломники с удивлением глядели на дубовую раку, отшлифованную мастером до мраморного блеска, на её резной крест, цветы и листья, но ещё с большим удивлением глядели на Сергея Махоткина. Впервые за долгие годы руки его не были заняты длинной ореховой палочкой-поводырём, и он не знал, куда их девать: то тяжело складывал на коленях, то опускал почти к самой земле вдоль табурета, то прикасался к раке, словно согревал их исходящим от неё теплом и светом.

Всё было уже готово к подъёму солдата и Крестному ходу, но Николай Петрович то и дело прикладывал к уху махонький телефон-мобильник и просил отца Михаила подождать ещё немного: обещался подъехать военком с какими-то высокими чинами, а без них идти Крестным ходом было как-то нехорошо.

Но вот, наконец, Николай Петрович после очередного телефонного разговора сообщил собравшемуся на дугу народу:

— Вроде бы едут...

Березанцы и паломники сразу заволновались, потеснее сгрудились в стайки на бугорках и холмиках: как-никак, едет начальство, к тому же военное, всегда более суровое и требовательное, чем привычное для сельских жителей гражданское, и ещё неизвестно, как оно себя поведёт. Вдруг опять вознамерится похоронить нетленного солдата на деревенском кладбище, рядом с братской могилой? И как тогда противиться несговорчивому начальству, как оборонять солдата от этого, пусть, может, и законного, а всё ж таки не Божеского намерения?

Ждать пришлось недолго. Не успели березанцы и паломники даже коротко переговорить между собой о предстоящей обороне, как из окраинной деревенской улицы вынырнула «Волга» военкома. Подъехав к глинищу, она, чуть потеснив мужчин с хоругвями на торфяник, остановилась в двух шагах от раки.

Но вместо военкома из «Волги» совсем неожиданно для березанцев и паломников выбралась маленького росточка, почти неприметная старушка в белом, повязанном под подбородок платочке и мужчина лет шестидесяти, заботливо поддерживающий её под локоток.

Старушка в пояс поклонилась народу, осенила себя твёрдым крестным знаменем и встала под занесённую уже для благословения руку отца Михаила.

— Сестра убитого с сыном, — тут же побежала по бугоркам и холмикам, неведомо как и возникнув, молва о вновь прибывших.

— А где же военком?! — озабоченно спросил шофёра Николай Петрович.

— Подъедет попозже, — ответил тот и поспешно стал разворачивать машину, чтоб отправиться назад в город.

Николай Петрович опять было приложил мобильник к уху, но потом спрятал его в карман и подошёл к старушке.

Отец Михаил троекратно благословил её, приобнял за плечо и, зорко следя, чтоб она случайно не оступилась на травянистом, уже затоптанном сотнями ног дёрне, повёл её к обрыву ячейки.

Старушка поправила на голове платочек, прикрыла перед горестным испытанием глаза, потом долгим, неотрывным взглядом посмотрела на лежащего в глубине глиняного склепа солдата.

— Он, — едва слышно выдохнула она. — Ванечка! — и, закрыв заплаканное лицо худенькими ладонями, припала к груди подоспевшего на помощь сына.

Отец Михаил отдал старушку на его попечение, сердцем понимая, что в эту тяжёлую минуту ей лучше побыть с родным человеком.

Вскоре она успокоилась, вытерла глаза кончиком платка и уже просветлённым, ясным взглядом смотрела на лежащего в глиняной могиле брата с широко размётанными по сторонам руками.

Ни отец Михаил, ни сын её, ни Николай Петрович с ребятами-поисковиками не смели нарушить этого созерцания. Они молча стояли поодаль, за спиной старушки, не зная, что и как можно сказать в такую минуту.

И вдруг растерянное их молчание прервал Сергей Махоткин. Он поднялся с табурета, почти уже привычно, без посторонней помощи подошёл к старушке, прижал её к себе, тихо поцеловал во влажные, вновь наполненные слезами глаза и совсем тихо произнёс, указывая взглядом на её брата:

— Я только прикоснулся к нему — и вот, вижу теперь. А до этого двадцать лет был слепым.

Старушка в ответ обняла Сергея, погладила по щеке старенькой своей тёплой ладонью и сказала:

— Он всегда таким был, будто Ангел небесный.

Отец Михаил, Николай Петрович и сын старушки почувствовали себя при таком откровенном разговоре Сергея с сестрой солдата лишними и бесшумно отошли от ячейки к мужчинам-хоругвеносцам.

Старушка не стала их окликать и удерживать, как будто и прежде рядом с ней и Сергеем никого не было. Она достала из бокового кармана кофточки тщательно завернутый в носовой платочек узелок, осторожно развязала его и протянула Сергею старую пожелтевшую фотографию довоенных времён. Сергей принялся внимательно и пристально её рассматривать. На фотографии был изображен молодой парень, может, лет четырнадцати, в рубашке-косоворотке и коротковатых брюках, а рядом — совсем малая, русоволосая девчонка в лёгоньком летнем платьице с надплечными крылышками.

— Это мы с Ваней в тридцать шестом году, — пояснила она Сергею.

— Какой молоденький, — словно припоминая самого себя в давние те довоенные годы, отозвался Сергей.

— Молоденький, — ещё раз взглянув на фотографию, вздохнула старушка и вдруг начала рассказывать Сергею о брате всё, что помнила из его юношеской жизни. — Бывало, заболело, так Ваня сядет рядышком, положит руку — вот так — на лоб и будто заберёт болезнь на себя, она сразу уходит, отпускает, — и к вечеру я уже совсем здорова и весела.

Сергей не перебивал старушку, а лишь украдкой поглядывал на неё просветлёнными глазами и всё больше и больше узнавал в её лице черты старшего брата: такой же высокий чистый лоб, такие же гибкие, в широкий разлёт брови, такой же тонкий заострённый подбородок. И только взгляда глаз сестры и брата он сравнить не мог. У старушки взгляд был живой и тёплый, ясные глаза с подвижными, чуть покрасневшими от слёз веками смотрели прямо и доверчиво. У брата веки были крепко-накрепко сжаты.

О чём ещё говорила, что ещё рассказывала Сергею старушка, того никто не слышал. Никто не уловил и того, что Сергей сказал ей в ответ. Отец Михаил и Николай Петрович в который уж раз принялись советоваться между собой, как извлекать солдата из ячейки и водружать в раку, чтобы нести Крестным ходом в церковь. Они оглядывались по сторонам, ища среди березанцев и паломников Прошку, чтоб спросить и его мнения. Уж кто-кто, а Прошка подсказал бы им, что и как надо делать: в войну ему вон сколько довелось поднимать из земли, переносить и перевозить убитых.

Но Прошка нигде не отыскивался. Как только раку установили возле ячейки, он незаметно затерялся в толпе, в самых дальних её рядах. За ним давно водилась странная такая привычка: срубив дом, сарай или баньку с воинственно вознесённым на кровлю сторожевым петушком, приладив на окна резные наличники, а в подстрешье — “фартуки”, он всегда отходил в сторону, давая возможность хозяевам, их соседям и всем прочим жителям без стеснения оценить его плотницкое умение и искусство. Но ещё с большим пристрастием оценивал Прошка в такие минуты это умение сам, и почти всегда находил какие-нибудь досадные недоделки и недочёты. Он и нынче, выбрав себе местечко на маленьком бугорке торфяной кочки, взыскательным взглядом окидывал раку из-за спин березанцев и паломников. И ему явственно виделось, что в переплёт с бегущими по обеим её сторонам выюнками из лавровых и вербных листьев всё-таки надо было пустить полевые и луговые цветы: звонкие колокольчики, васильки-волошки, вереск и чабрец, и тогда бы рака смотрелась, может, даже ничуть не хуже, чем в Киево-Печерской лавре.

В изножье раки, рядом с веночком, Прошка обнаружил один недобранный стамескою или рубанком бугорок и так раздосадовался этим недочётом, что готов был уйти домой и затвориться где-нибудь в повети.

Отец Михаил, не найдя в толпе Прошку, своей волей принял решение:

— Давайте начинать. Пора!

— Давайте, — поддержал его Николай Петрович и спустился по лесенке в ячейку.

Вслед за Николаем Петровичем спустился туда и какой-то задумчивый сегодня Алёша. Вдвоём они подвели под солдата заранее заготовленный до-

шатый помост; правую его руку с зажатой в ней винтовкой прислонили к бедру, и получилось так, будто он взял её на караул, чтоб заступить на доверенный ему самый ответственный пост, а левую положили на грудь чуть повыше солдатского ремня с пятиконечной звездой.

Удостоверившись, что солдат лежит на помосте ровно и прочно, Николай Петрович с Алёшей оторвали его от земли и подняли наверх. Там помост из рук в руки приняли Витя со Славиком, отец Михаил, мужчины-добровольцы из березанцев и паломников и Прошка, который, наконец, преодолел свои сомнения, объявился возле ячейки. Он немедленно откликнулся на просьбу Николая Петровича и отца Михаила и принялся распоряжаться работами, зорко следя за тем, чтобы при возложении солдата в раку никто не потревожил его лишним резким движением — не отвлёк от постовой караульной службы, отныне определённой ему навек.

Всё у них получилось как нельзя лучше. Солдат лёг в раку покойно и аккуратно, не выронив из правой руки винтовки, а левую не отняв от груди.

Ничто в нём не изменилось и не нарушилось: ни откиннутая чуть назад голова, ни по-юношески худенькие шея и плечи, ни в струнку вытянутые ноги в солдатских ботинках и обмотках. И лишь лицо солдата при ярком дневном сиянии солнца вдруг посветлело, нестойкий коричневатый загар словно сошёл с него; оно посвежело и даже как будто зарумянилось.

Старушка, до этого мгновения молчаливо стоявшая в сторонке, теперь подошла к раке, обняла брата, припала щекой к его согретой солнцем щеке и сказала так, как, наверное, не раз говорила в далёком своём довоенном детстве:

— Братик мой милый...

Никто ей не мешал, не тревожил и не торопил её. Все понимали, что сестре надо хоть немного побыть с братом наедине, высказать ему всё, что долгие годы разлуки таила и берегла в душе своей только для него одного, единственного. Ведь сейчас брата отнимут, оторгнут от неё, и он уже будет принадлежать не только ей, а и всем иным людям, перед которыми неожиданно явился, нетронутый землёй и тлением. Старушка ещё теснее припала к брату и не смогла сдержать невольного горестного упрёка:

— Мать так надеялась, так ждала, что ты вернёшься...

Солдат, казалось, внимательно слушал её сестринские излияния, слушал и внимал им. И вдруг как будто произнёс с успокоительной, чуть тронувшей его губы улыбкой:

— Вот я и вернулся...

Старушка заплакала навзрыд, прощально обняла брата и уступила место возле раки своему сыну.

Тот склонился над ней, тоже заплакал, изнемог от слёз и в этом изнеможении нашёл в себе силы лишь прикоснуться широкой ладонью к груди солдата, которого видел прежде только на фотографии да знал о нём по рассказам матери.

— Оставь его, Ваня! — легонько тронула сына за рукав старушка. Слова её прозвучали негромко, но отчётливо и по-матерински властно. Их услышали и на самых отдаленных бугорках и холмиках. Там всё пришло в волнение и беспокойство. Отец Михаил больше медлить не стал и отдал распоряжение обустроить Крестный ход.

Возглавляя его, далеко вперёд, на луговую тропинку вышел с иконой Пресвятой Богородицы в руках высокий, уверенный в шаге старик Матвей Ерёмин, который во время любого Крестного хода: на Рождество, на Пасху, на Троицу, на Преображение Господне — всегда носил её, задавая Крестному ходу особенно торжественную и мерную поступь. Вслед за Матвеем встал с престольным Животворящим крестом бывший учитель труда восьмилетней березанской школы, а теперь один из самых усердных помощников отца Михаила в церкви Александр Наумович. Потом, по-военному подравнявшись в шеренгу, выступили мужчины с фонарём и хоругвями и несколько женщин и детей со своими, снятыми с домашних киотов иконами. Они все повернулись вполборота к ячейке и ждали, когда отец Михаил, прочитав молитву, велит отрывать раку от земли и вставлять с нею в центре Крестного хода.

Минута была скорбная и напряжённая, наполненная молитвенными голосами отца Михаила, дьякона и певчих. Но вот иссякла и она, и к раке с двух сторон подступили Николай Петрович с Алёшей и Витя со Славиком.

По команде Николая Петровича они подняли раку на плечи, и она сразу взметнулась, вознеслась над людскими головами, почти вровень с хоругвями. Золототкаными своими полотнищами с ликами Иисуса Христа и Божией Матери они широко развевались на ветру, образуя вокруг неё охранный шатер.

Отец Михаил, дьякон и певчие, выждав несколько мгновений, пока рака твёрдо укрепится под этим шатром, образованным хоругвями, расположились в двух шагах позади неё. Их примеру последовали старушка с сыном и Сергей Махоткин. Поддерживая друг друга, они отдельной, соединённой теперь почти родственными узами шеренгой встали за спиной отца Михаила и приготовились к дальней и нелёгкой для них дороге. А за ними, сколько видно было глазу, вдоль глинища и луга, до самой речной урёмы выстраивались березанцы, пришлые и приезжие паломники.

Прошка поначалу хотел было тоже подставить плечо под раку, чтоб нести её к церкви, но потом отступился от этого намерения, вовремя сообразив, что он, по сравнению с молодыми мужчинами, маловат ростом, да и силы уж не те, так что будет лишь помехой для них, сбивая с шага.

И опять он затерялся в толпе и теперь уже совсем издалека, поверх людских голов, смотрел на раку и с особенным пристрастием укорял себя, что не пустил вдоль лавровых и вербных бегунков полевые и лесные цветы...

Но долго удерживать на этом внимание у Прошки не получилось. Отец Михаил осенил себя напутственным крестным знамением и подал условный знак Матвею Ерёмину, мол, пора, выступаем с Богом.

Матвей долго ждать себя не заставил. Он поднял икону Пресвятой Богородицы высоко над головой и сделал по торфяной тропинке первый шаг. И в то же мгновение далеко в селе на церковной звоннице ударил колокол. Звонарём в Березанке был молодой выпускник районной музыкальной школы по классу духовых инструментов, игравший на валторне Паша Красавкин. Ещё в первые годы музыкальной своей науки он пристрастился подниматься на звонницу, которой тогда безраздельно владел его дед, Борис Серафимович, или Борис-звонарь, как все, от мала до велика, звали его в Березанке. Паша вначале на слух, а после уже и согласно нотной грамоте перенял от деда старинное умение и тайну колокольного перезвона. Поимённо различал он все, какие только бывают в храмах колокола: большие и малые, праздничные, воскресные, полиелейные и ещё особые — зазвонные колокольцы. Когда же дед Борис умер, Паша с согласия и благословения отца Михаила стал давать и все будничные, и праздничные звоны, и заукоийные уже в одиночку, ничуть не уступая, а может, и превосходя деда.

Нынче отец Михаил велел Паше подняться на церковную колоколенку с утра пораньше и зорко следить за всем, что будет происходить на лугу. И как только Крестный ход с поднятой над головами ракой обустроится, чтоб идти к церкви, так, нисколько не медля, сразу же ударить в колокола.

И Паша не упустил нужного мгновения. С первым шагом Матвея Ерёмина он тронул главный, самый тяжёлый колокол вначале чуть слышимым, далёким звуком, а потом, подстроив к нему колокола и колокольцы поменьше, огласил всю округу таким звоном, какого никто и никогда ещё здесь не слышивал. Он не был заукоийно-поминальным, но и не был радостно-праздничным, а каким-то особым, торжественным, возвышающим душу.

Отец Михаил, дьякон и певчие, едва лишь этот звон коснулся их слуха, на едином дыхании возгласили Трисвятое: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас...», за ними подхватила старушка, велел за ней сын и Сергей Махоткин, который впервые за долгие годы своей слепоты шёл в столь дальнюю дорогу без палочки и сопровождения, смело и безоглядно.

От них молитва как бы сама собой перекинулась на остальных паломников, волна за волною захватывая всё новые и новые ряды, и вскоре пел уже весь необозримый Крестный ход.

Николай Петрович в просвет между хоругвями иногда беспокойно погля-

дывал на село, надеясь увидеть на выезде машину военкома. Но она что-то всё никак не появлялась...

Крестный ход тем временем, стройно вытягиваясь в длинную нескончаемую ленту на лугу, вскоре подошёл к первым деревенским домам и начал заполнять широкую песчаную улицу.

И вдруг, откуда ни возьмись, над ракой, крестом, иконами и хоругвями взвилась стайка птиц.

— Горлицы это! Горлинки! — радостно воскликнул первым узнавший их Прошка.

Вслед за ним все березанцы и паломники признали в птичьей стайке диких лесных голубей-горлинок. Признали и удивились: как это они их сразу различили, когда те только появились над ракой, над иконами и хоругвями. Хотя, может, потому и не различили, что горлинки — птицы скрытные, к людям они, как правило, не залетают, а живут в полном уединении в дальних лесах и чащах.

Но вот сегодня, нарушив свои привычки, залетели...

Когда показалась церковь с широко распахнутой дверью притвора, горлинки взмыли к голубой, увенчанной крестом маковке и уселись под ней на карнизе.

Так, под колокольный звон, молитвенное пение отца Михаила и певчих и голубиное воркование раку внесли в церковь и поставили подле Престола, под иконы Божией Матери.

Крестный ход у церковного порога вытянулся в цепочку, и каждый паломник стал с крестным знаменем подходить к раке, кланяясь, прикасаться к ней и склонять перед нетленным солдатом голову.

Людской поток паломников и березанцев шёл к нетленному солдату до самого позднего вечера, и горлинки ни разу не стронулись с карниза. Но когда возле солдата остались одна лишь старушка-сестра с сыном да отец Михаил с Николаем Петровичем и Прошкой, они вдруг единым взмахом крыл влетели в церковь и вихрем закружились над ракой, как будто возвращая солдату из высокого, только им одним доступного поднебесья его молодую бессмертную душу...

г. Воронеж (13.12.2011 — 19.01.2012)